

В. З. ПАНФИЛОВ

ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ, КУЛЬТУРА

Культура в широком смысле этого слова определяется как совокупность материальных и духовных ценностей общества и подразделяется на материальную и духовную культуру. Как совокупность материальных и духовных ценностей общества культура опосредована мыслительной деятельностью человека, и в этом смысле (и только в этом) следует говорить о ее зависимости от мышления. Но средством, орудием осуществления и существования человеческого мышления является язык. В этой связи и возникает вопрос о характере взаимоотношения этих трех рядов явлений, т. е. культуры, мышления и языка, вопрос, который имеет принципиальное значение для широкого круга общественных наук — философии и социологии, этнографии и языкознания и других наук, предметом исследования которых является материальная и духовная культура человечества.

Тот факт, что мышление манифестируется посредством многочисленных языков, существенно отличающихся друг от друга по своему грамматическому строю, совокупности значений, зафиксированных в лексике этих языков, послужил основанием для теорий, согласно которым язык является определяющим фактором по отношению к мышлению, а следовательно, и культуре.

В той или иной форме такого рода теории развивались в некоторых направлениях языкознания и семиотики, а также философии и социологии. В языкознании эта точка зрения была детально разработана неогумбольдтианством в двух его разветвлениях — американском и европейском.

Американское направление неогумбольдтианства, некоторые принципиальные положения которого были впервые сформулированы Э. Сепиром, получило свое развитие прежде всего в работах Б. Уорфа (гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа), а в дальнейшем Д. Хаймса и др.¹

Гипотеза Сепира — Уорфа выдвигает следующие основные положения. Во-первых, утверждается, что язык определяет характер (тип) мышления, сам его логический строй. Так, говоря о соотношении грамматического строя языка и процесса логического мышления, Б. Уорф пишет: «Было установлено, что основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. Формирование мыслей — это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних

¹ Не имея возможности остановиться здесь на взглядах Хаймса и некоторых других американских этно- и социолингвистов, мы отсылаем читателя к книге А. Д. Швейцера «Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике» (Л., 1971), в которой они рассматриваются.

случаях незначительно, в других — весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих народов»².

Иначе говоря, гипотеза Сепира — Уорфа отрицает общечеловеческий характер мышления, наличие общего для всех людей логического строя мышления.

Во-вторых, согласно этой гипотезе характер познания действительности зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты, так что при существенных различиях языков, которыми они пользуются, процесс их познавательной деятельности и его результаты также будут отличаться друг от друга существенным образом. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком, — пишет Б. Уорф. — Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка»³.

В связи с этим высказыванием Б. Уорфа следует сразу же заметить, что сегментацию, расчленение мира в процессе абстрактного познания неправомерно ставить в полную зависимость от языка хотя бы уже потому, что это расчленение действительности осуществляется на уровне чувственного познания не только у людей, но и у животных, не обладающих языком, что проявляется в так называемом опредмечивании ощущений, в такой характерной особенности восприятия, как его целостность — та или иная совокупность ощущений объединяется в одном образе восприятия как результат воздействия различных свойств какого-либо отдельного предмета. Эта характерная особенность восприятия в психологии определяется следующим образом: «...объект восприятия, будучи комплексным раздражителем, обладающим разными признаками и состоящим из разных частей, воспринимается все же как единое целое. Компоненты этого целого могут действовать или одновременно, или последовательно (одновременные и последовательные раздражители)... Во всех этих случаях комплексный раздражитель выступает все же как единое целое»⁴.

Логическим следствием из положения о полной зависимости характера познания действительности от языка является третий принцип гипотезы Сепира — Уорфа, согласно которому человеческое знание не имеет объективного, общезначимого характера. Он формулируется Уорфом как принцип относительности. «Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, — пишет он, — который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при

² Б. Л. Уорф, Наука и языковедение, сб. «Новое в лингвистике», 1, М., 1960, стр. 174.

³ Там же, стр. 174—175, см. также стр. 190. Нельзя не отметить почти текстуальное совпадение этих высказываний Б. Уорфа о потоке впечатлений, или ощущений, который мы получаем от действительности, и их сегментации, организации благодаря языку с высказываниями Маха и других позитивистов о потоке ощущений и их организации субъектом в комплексы ощущений.

⁴ «Психология», под ред. А. А. Смирнова и др., М., 1956, стр. 145—146. Существенно при этом, что у человека в некоторых патологических случаях цельность восприятия может нарушаться без каких-либо нарушений его способности к абстрактной мыслительной деятельности.

сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»⁵.

Как мы видим, отождествление языка и мышления, содержательной стороны языковых единиц и содержания человеческого сознания приводит Б. Уорфа и его последователей к выводам философского (гносеологического) значения. Философские позиции этих авторов могут быть определены как агностицизм, а точнее говоря, как своего рода лингвистический агностицизм.

Вместе с тем нельзя не отметить, что взгляды Б. Уорфа по вопросу о соотношении языка и мышления не лишены противоречий. Так, Б. Уорф считает, например, возможным процесс мышления без языка. «Мои собственные наблюдения, — пишет он, — дают мне право утверждать, что язык, несмотря на его огромную роль, напоминает в некотором смысле внешнее украшение более глубоких процессов нашего сознания, которые уже наличествуют, прежде чем возникнет любое общение, происходящее при помощи системы символов или сигналов, и которые способны моментально создать такое общение (хотя оно и не будет истинным с о г л а ш е н и е м) без помощи языка или системы символов. Я употребляю здесь слово „внешний“ (superficial) в том же смысле, в каком все химические реакции могут быть названы внешними по отношению к внутриатомным, или электронным, процессам. Однако никто не сделает из этого вывода, что химия не в а ж н а; в самом деле, суть этого высказывания в том, что наиболее внешнее может быть в действительности наиболее важным»⁶.

Если согласиться с Б. Уорфом, что язык есть нечто внешнее по отношению к глубинным процессам сознания, то в таком случае остается неясным, как язык может оказывать определяющее влияние на мышление. Аналогия: язык — мышление, химические процессы — внутриатомные процессы никак не может подкрепить этого положения Б. Уорфа.

В другом месте он утверждает, что язык отражает массовое мышление и изменяется в связи с его изменением (см. ниже), т. е. активная роль в соотношении «язык — мышление» отводится уже не первому, а второму его члену.

Основные положения европейского неогумбольдтианства (Л. Вейсгербер, Г. Гольц, Г. Ипсен, П. Гартман и др.) по вопросу о соотношении языка, с одной стороны, мышления и познания, с другой стороны, во всем существенном оказываются весьма близкими к гипотезе Сепира — Уорфа. В этом направлении неогумбольдтианства⁷ язык также рассматривается не как орудие, средство осуществления мышления, в той или иной степени адекватно отражающего объективную действительность, а как некий промежуточный мир (Zwischenwelt, иначе Wirklichkeit) между объективной действительностью (Außenwelt, иначе Sein, Realität) и мышлением, сознанием (Innenwelt, иначе Bewußtsein), характер которого определяет тип мышления, так что мышление каждого народа имеет чисто национальные

⁵ Б. Уорф, указ. соч., стр. 175. Аналогия между принципом относительности в теории А. Эйнштейна, согласно которому пространственные величины объектов и скорость течения времени зависят от величины скорости данной движущейся системы, и принципом зависимости «картины мира» от характера языка, как это декларирует Б. Уорф и другие представители этого направления, не имеет сколько-нибудь существенных оснований хотя бы уже потому, что в первом случае речь идет о закономерностях самой объективной действительности, а во втором — о процессах познания объективной действительности субъектом.

⁶ Б. Уорф, указ. соч., стр. 190—191.

⁷ См.: J. L. Weisgerber, Muttersprache und Geistesbildung, Göttingen, 1929; его же, Die Sprache unter den Kräften des menschlichen Daseins, Düsseldorf, 1949; его же, Vom Weltbild der deutschen Sprache, Düsseldorf, 1950; его же, Das Gesetz der Sprache, Heidelberg, 1951; его же, Verschiebungen in der sprachlichen Einschätzung von Menschen und Sachen, Köln — Opladen, 1958, и др.

черты и его развитие целиком определяется имманентным развитием национального языка.

Для Вейсгербера язык есть «первичная действительность», и человек по существу познает не объективную действительность, существующую вне и независимо от него, а тот язык, носителем которого он является. Ни одна из различаемых Вейсгербером ступеней человеческого познания — чувственная и рациональная (причем вторая рассматривается как совершенно независимая от первой) — не дает, по его мнению, объективного знания о действительности; каждый народ имеет специфическую «картину мира», характер которой определяется тем языком, носителем которого он является.

Это положение о субъективности человеческого знания тесно увязывается Вейсгербером с принципом произвольности языкового знака — этот последний, по его мнению, есть своего рода результат «произвола духа» и своей идеальной стороной не отражает объективной действительности.

Во многом опираясь в своих философских принципах на философию символических форм Э. Кассирера, Л. Вейсгербер и здесь следует за ним. «Символические знаки языка, — писал Э. Кассирер, — существуют не для того, чтобы обозначать что-либо существующее помимо них. Напротив, бытие выводится из значения этих символов»⁸.

Если учесть, что, отождествляя язык и мышление, содержательную сторону языковых единиц и содержание человеческого сознания, Вейсгербер по существу не выделяет понятий как чего-то существующего наряду с языковыми значениями, то положение о произвольности идеальной стороны языковых единиц не может не привести Вейсгербера к выводу о субъективности человеческого знания вообще, к отрицанию того, что в процессе познания человек с той или иной степенью адекватности отражает объективную действительность, существующую вне и независимо от него⁹.

Общие принципиальные установки с этими двумя направлениями неогумбольдтианства имеет то направление в семиотике, которое рассматривает естественные (и искусственные) языки как модель мира, однозначно определяющую познавательную деятельность человека, или утверждает, что та или иная научная теория и вообще человеческое знание есть лишь система знаков.

Эти направления в языкознании и семиотике идут в общем русле с экзистенциалистской герменевтикой¹⁰ и двумя основными течениями философии неопозитивизма — общей семантикой и лингвистической философией, общим для которых является тезис о языке как единственной данной человеку реальности. Но особую близость с неогумбольдтианством и рассмотренным выше течением семиотики обнаруживают указанные направления неопозитивизма. Представители этих направлений объявляют язык единственным предметом исследования философии. По их мнению, философские проблемы возникают в результате непонимания языка, его неправильного употребления, и для их решения достаточно описать фактическое употребление языка, связанное с этими проблемами. Как чисто языковая рассматривается ими и проблема человеческого знания вообще и вопрос об его истинности, в частности. «Тот факт, — утверждает Л. Витгенштейн, — что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира»¹¹.

⁸ E. Cassirer, *Philosophie der symbolischen Formen*, Tl. 1, Berlin, 1923, стр. 42.

⁹ Критический анализ теории Л. Вейсгербера дается также в ст.: Л. С. Ермаков, *Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании*, сб. «Проблемы общего и частного языкознания», М., 1960.

¹⁰ См.: Э. В. Ильенков, *Гегель и герменевтика*, ВФ, 1974, 8.

¹¹ Л. Витгенштейн, *Логико-философский трактат*, М., 1958, стр. 81.

Далее, если вначале Л. Витгенштейн исходил из того, что язык так или иначе отражает действительность, то в последующем основным тезисом лингвистической философии становится противоположное утверждение о том, что язык вообще не отражает действительность¹².

Язык действительно оказывает известное влияние на мышление и познавательную деятельность человека. Во-первых, язык обеспечивает саму возможность специфически человеческого, т. е. абстрактного, обобщенного мышления и познания. Во-вторых, в языке в той или иной мере фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности (в значениях слов, в его грамматических категориях и т. п.). Очевидно, что предшествующий уровень познания действительности, в определенной степени зафиксированный в языке, не может не оказывать известного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего субъекта к объектам действительности, в частности, в связи с категоризацией мира в языке. Поэтому можно говорить о своего рода языковой апперцепции, проявляющейся в той активной роли, которую язык играет в познании.

И здесь существует глубокая аналогия между той активной ролью, которая принадлежит языку в процессе абстрактного, обобщенного познания, и апперцепцией в процессе чувственного познания объективной действительности. Апперцепция в этом последнем случае проявляется в зависимости восприятия от общего содержания психической деятельности человека. «Восприятие всегда в той или иной степени дополняется и опосредствуется имеющимися знаниями, прошлым опытом. В силу этого человек и воспринимает действующие на него раздражители как определенные предметы действительности: деревья, дома, других людей и т. д. Вне опоры на прошлый опыт восприятие чего бы то ни было как определенного предмета или явления действительности было бы невозможно. То, что никак не связано с прежним опытом, с уже полученными знаниями, воспринимается как нечто неопределенное, как что-то, чего нельзя отнести к определенной категории предметов»¹³.

Человеческое познание в целом не является пассивным, зеркальным отражением объективной действительности. Оно имеет активный характер и происходит в процессе взаимодействия человека и среды. На уровне чувственного познания его активность, в частности, проявляется в таком свойстве восприятия, как константность восприятия величины, формы и цвета предмета, когда, например, субъективно предмет воспринимается как один и тот же по своей величине, хотя он находится на различных расстояниях от человека и его изображение на сетчатке глаза не может вследствие этого не иметь различной величины.

Диалектический характер абстрактного, обобщенного познания действительности заключается, в частности, в том, что в целях адекватного отражения действительности человеческое мышление на каких-то этапах должно абстрагироваться от всей сложности познаваемых объектов, рассматривать их только в некоторых свойствах, непрерывные процессы и явления рассматривать как дискретные и т. п., т. е. как бы конструировать некие идеальные объекты, абсолютизируя отдельные объективно существующие свойства объектов¹⁴. В частности, для

¹² См. также: E. Albrecht, *Bestimmt die Sprache unser Weltbild? Zur Kritik der gegenwärtigen bürgerlichen Sprachphilosophie*, Berlin, 1972, стр. 41—48, 72—101.

¹³ «Психология», стр. 144.

¹⁴ В. И. Ленин, указывая на эти моменты субъективности человеческого познания, писал: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого. Изобра-

человеческого мышления на определенных этапах познания оказывается необходимым рассматривать свойства предметов или действия как самостоятельно существующие предметы, что является причиной таких языковых явлений, как субстантивация, конверсия или образование посредством особых морфем абстрактных существительных типа русских *краснота* и т. п. Именно в связи с этим в языке существуют такие общеграмматические значения, как предметность или действие, под которые подводятся соответственно не только реально существующие предметы типа *стол* и т. п. или реальные действия типа *бежать* и т. п., но и качества (ср. *краснота*), действия (ср. *писание*, *бег*) или состояния (ср. *находиться*) и т. п.

Таким образом, в языке, в языковых средствах фиксируются эти моменты субъективности процесса человеческого познания. Исследование этих аспектов языка, несомненно, имеет весьма существенное значение для выявления закономерностей человеческого познания, а также его исторического развития. Нельзя не учитывать здесь также и того, что в том диалектически противоречивом единстве, которое образуют язык и мышление, при определяющей роли мышления язык представляет собой относительно самостоятельное явление¹⁵, обладающее некоторыми внутренними законами своей организации и развития. По указанным причинам язык, действительно, не может не оказывать известного обратного влияния на мышление и познавательную деятельность человека. Однако в неогумбольдтианстве, а также в общей семантике, лингвистической философии и примыкающих к ним направлениях семиотики это обратное влияние языка на мышление и человеческое познание абсолютизируется, чрезмерно преувеличивается, почему эти теории и оказываются несостоятельными.

В-третьих, рациональное зерно в теории неогумбольдтианства состоит также в том, что набор значений, фиксируемых в идеальной стороне языковых единиц и его грамматических категориях, в известной степени варьируется от языка к языку, и в этом отношении в конкретных языках проявляется своего рода избирательность¹⁶, которая определяется факторами разного рода. Эта избирательность, в частности, несомненно связана с различием природных и социально-экономических условий, в которых живут носители соответствующих языков, на что уже обращалось внимание многими исследователями¹⁷.

Жизнь движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия. И в этом *суть* диалектики. *Э т у-т о с у т ь* и выражает формула: единство, тождество противоположностей» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 233).

¹⁵ Подробнее нами этот вопрос рассматривается в кн.: В. З. П а н ф и л о в, *Взаимоотношение языка и мышления*, М., 1971.

¹⁶ Здесь кажется уместным обратить внимание на то, что на уровне чувственного познания также существует избирательность восприятия, которая заключается в преимущественном выделении одних объектов (или одних свойств, признаков, качеств предметов) по сравнению с другими. Избирательность восприятия определяется субъективными (отношение человека к воздействующим на него предметам, прошлый опыт человека, его психическое состояние в данный момент) и объективными факторами (особенности самих раздражителей, внешних условий восприятия и др.).

Имея в виду эти последнего рода факторы, некоторые психологи выдвигают понятие различимости как определенной количественной характеристики процесса различения, приуроченной к определенной степени различия в самих объектах (см., например: Б. Б. К о с с о в, *Проблемы психологии восприятия*, М., 1971, стр. 28 и сл.). Поскольку чувственное и абстрактное, обобщенное познание человека совершается в их постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, избирательность на одном уровне познания не может не оказывать влияния на другой уровень познания. При этом можно предполагать, что принцип избирательности на ступени чувственного познания оказывал тем более сильное влияние на результаты абстрактного, обобщенного познания, чем на более низкой ступени развития было это последнее.

¹⁷ Интересно отметить, что, пытаясь объяснить специфические черты, которые свойственны, по его мнению, той «картине мира», которую дает язык хопи, в частности,

Однако содержание сознания носителей того или иного языка отнюдь не сводится к набору значений, фиксированных в языковых единицах и грамматических категориях. Посредством ограниченного в каждом языке набора языковых единиц носитель соответствующего языка выражает в речи и такое мыслительное содержание, которое непосредственно не закреплено за какой-либо отдельной языковой единицей (ср. противоположное утверждение Л. Вейсгербера о том, что существует лишь то понятие, которое закреплено за отдельной языковой единицей).

Представители неогумбольдтианства и примыкающих к ним направлений семиотики и философии не учитывают, что содержание нашего сознания и содержательная сторона речи отнюдь не сводится к сумме значений тех языковых единиц, посредством которых репрезентируется сознание или которые используются в речи¹⁸. Именно в этом и состоит лингвистическая слабость указанных направлений.

Ни существенные типологические различия языков, проявляющиеся в структуре слова и предложения, а также характере грамматических категорий, ни действительно имеющие место различия в сфере значений, закрепленных за языковыми единицами различных языков, не оказывают такого решающего влияния на мышление их носителей, которое бы приводило к созданию особых типов мышления, различий в самом их логическом строе, в законах их мышления¹⁹.

Более того, наличие типологических различий между языками не исключает существенной общности этих языков, позволяющей рассматривать различные конкретные языки как представителей одного рода — человеческого языка. Выявление этого общего, присущего всем конкретным языкам, давно уже является одной из основных задач языкознания, и ее решение осуществлялось и в рамках логического направления языкознания, ведущего свое начало от логической грамматики (и логики) Пор-Рояля, и в рамках теории понятийных категорий О. Есперсена и И. И. Мещанинова, а в последние десятилетия оно получило свое выражение в теории языковых или лингвистических универсалий. При этом многие типологические различия языков могут быть представлены как

в том, что касается временных представлений их носителей, Б. Уорф вынужден поставить их в зависимость от природных и социально-экономических условий (см.: Б. Уорф, Отношение норм поведения и мышления к языку, сб. «Новое в лингвистике», 1, стр. 160).

¹⁸ На это обстоятельство в свое время обращал внимание уже В. Гумбольдт. «Не следует, — писал он, — выводить круг понятий того или иного народа... из его словаря... большое число понятий, особенно абстрактных; может быть выражено необычными и неизвестными нам метафорами или описательным путем» (W. Humboldt, Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java, nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts, I, Berlin, 1836, стр. XXXV).

¹⁹ См. об этом: В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, стр. 66—112; его же, Языковые универсалии и типология предложения, ВЯ, 1974, 5. Б. Уорф, Л. Вейсгербер и их последователи, выдвигая положение о различии «языковых картин мира», определяющих, по их мнению, характер мышления и познания, основывались на различии в содержании одноименных грамматических категорий и в наборе лексических значений в различных языках.

В последние годы ставится вопрос о том, что существенны те типологические черты языков, которые проявляются в области языкового содержания, а не формы его выражения (так называемая контентивная типология). Очевидно, однако, что сами по себе различия в содержании грамматических категорий (когда, например, в одном языке грамматическую категорию числа образуют единственное и множественное число, а в другом языке в нее входит также и двойственное число); как и различия в наборе лексических значений, не могут послужить основанием для типологической характеристики языков. В этой области типологических исследований кажется более перспективным искать различия в т и п е с т р у к т у р е содержания грамматических категорий и лексических значений разных языков.

результат различной реализации универсалий, свойственных слову и предложению всех языков.

Очевидно далее, что если бы язык (или другие знаковые системы) жестко, однозначно определял характер мышления и познания действительности, невозможно было бы ни развитие мышления, ни развитие познания. В этом случае невозможно было бы также объяснить источник, причины развития и самого языка.

Непоследовательность различных представителей неогумбольдтианства проявляется в том, что они допускают возможность перехода человека к новому типу мышления и новым языковым средствам²⁰, что противоречит декларируемому ими положению о жесткой запрограммированности мышления тем языком, на котором оно осуществляется.

Очевидно, что само создание противопоставительного языкознания (contrastive linguistics), в задачу которого, по мнению Б. Уорфа, входит «изучение наиболее важных различий в языках — в грамматике, логике и в общем анализе ощущений»²¹, становится возможным только потому, что родной язык исследователя отнюдь не определяет так жестко и однозначно, как это декларирует Б. Уорф, его мышление и его познавательную деятельность — только в этом случае он может уловить различия исследуемых языков и сравнивать те «картины мира», которые дает каждый из них.

Аналогичным образом, и те задачи, которые ставит перед наукой вообще и языкознанием в частности Л. Вейсгербер (вскрыть «несоответствия между языковым познанием и чистым познанием», освободить человека от «языкового реализма» и, в частности, от навязываемых человеку языком категорий времени и пространства; изучить «миропонимание» каждого языка, его влияние на мышление соответствующего народа с тем, чтобы человек смог выйти за пределы этого «миропонимания» и т. п.), — могут быть выполнены только при том условии, если мышление человека способно выйти за пределы содержательной стороны языковых единиц.

В противовес принципу лингвистической относительности Б. Уорфа Г. А. Брутяном был выдвинут принцип лингвистической дополнительности, который формулируется им следующим образом: «В процессе познания в связи с активной ролью языка и в силу его специфических особенностей возникает языковая картина мира. Она в целом и в главном совпадает с логическим отражением в сознании людей. Но при этом сохраняются периферийные участки в языковой картине мира, которые остаются за пределами логического отражения, и в качестве словесных образов вещей и лингвистических моделей отношения между ними варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних. Через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира; эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знания, корректируют ее. Словесный образ сочетается с понятийным образом, лингвистическое моделирование мира — с логическим его отображением, создавая предпосылки воспроизведения более полной и всесторонней картины окружающей действительности в сознании людей»²² (разрядка наша. — В. П.). В этой формулировке принципа лингвистической дополнительности прежде всего обращает на себя внимание положение о том, что языковая картина мира, дополняющая его логиче-

²⁰ См., например: Б. У о р ф, Наука и языкознание, стр. 188—190.

²¹ Там же, стр. 192.

²² Г. А. Б р у т я н, Гипотеза Сепира — Уорфа, Ереван, 1968, стр. 57.

ское отражение, носит экстралогический характер²³. Как утверждает Г. А. Брутян, языковая картина мира, мир языковых представлений имеет внелогический характер потому, что он «обусловлен имманентными законами данного языка»²⁴.

Принцип лингвистической дополнителности Г. А. Брутяна, так же, как и принцип лингвистической относительности Б. Уорфа, вызывает серьезные возражения. Во-первых, в основе его лежит тезис о независимости языка и мышления или, по крайней мере, языка и логического мышления, а также тезис об имманентном характере языка, который является определяющим и для гипотезы Сепира — Уорфа. Во-вторых, если согласиться с тем, что языковая картина мира имеет внелогическое происхождение, то возникает вопрос, как в этом случае она может в основном совпасть с той картиной мира, которую человек получает в результате логического отражения. Далее, здесь остается неразъясненным вопрос о том, используется ли язык в процессе логического отражения действительности и, если используется, то как оно может осуществляться, когда содержательная сторона языковых единиц и грамматических категорий имеет внелогический характер. Наконец, не может считаться достаточным и фактическое обоснование принципа лингвистической дополнителности — Г. А. Брутян в этой связи ссылается лишь на факты различия внутренней формы слов, выражающих одни и те же понятия в различных языках. К тому же здесь необходимо учитывать, что, во-первых, значение слова не сводится к его внутренней форме, а, во-вторых, сама эта последняя не является предметом мысли, в выражении которой принимает участие данное слово.

Из того понимания соотношения языка и мышления, языка и познавательной деятельности, которое развивается в рассмотренных выше направлениях языкознания, семиотики и философии, логически следует вывод о том, что язык определяет не только характер мышления, познавательной деятельности человека, но и тип, нормы культуры и, в конечном счете, структуру и развитие самого человеческого общества. В языкознании эта точка зрения последовательно развивалась в работах Л. Вейсгербера, который полагал, что структура общества и его история полностью определяется языком и историей его развития. Правда, Л. Вейсгербер, отступая от этого основного принципа, был вынужден признать и обратное влияние общества на структуру языка.

Явную непоследовательность проявлял в этом вопросе Б. Уорф. Так, с одной стороны, он говорит о прямой и достаточно жесткой зависимости культуры от языка. Он пишет: «Что было первичным — норма языка или норма культуры? В основном они развивались вместе, постоянно влияя друг на друга. Но в этом содружестве природа языка является тем фактором, который ограничивает его свободу и гибкость и направляет его развитие по строго определенному пути. Это происходит потому, что язык является системой, а не просто комплексом норм. Структура большой системы поддается существенному изменению очень медленно, в то время как во многих других областях культуры изменения совершаются сравнительно быстро. Язык, таким образом, отражает массовое мышление; он реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, тогда как в сознании производящих изменения это происходит моментально»²⁵.

Однако в другом месте он же говорит о наличии между языком и культурой лишь определенного рода связей. «Между культурными нормами и

²³ Это положение повторяется Г. А. Брутяном неоднократно. (см., например, стр. 50, 55 указ. работы).

²⁴ Г. А. Брутян, указ. соч., стр. 53; см. также стр. 32.

²⁵ Б. Уорф, Отношение норм поведения и мышления к языку, стр. 164.

языковыми моделями, — пишет он, — существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия... В некоторых случаях „манеры речи“ составляют неотъемлемую часть всей культуры, хотя это и нельзя считать общим законом, и существуют связи между применяемыми лингвистическими категориями, их отражением в поведении людей и теми разнообразными формами, которые принимает развитие культуры»²⁶. Бесспорно, что поскольку язык и культура, равно как и мышление, относятся к числу явлений социальных, общественных по своей природе, между ними существуют определенные связи. Несомненно также, что язык, оказывая известное обратное влияние на мышление, тем самым не может не оказывать воздействия и на культуру. Однако вопрос о их соотношении может быть решен только с учетом того места, которое каждое из этих социальных явлений занимает в жизни общества.

Как отмечает П. Н. Федосеев, базис и надстройка, в соотношении которых (как и в развитии общества в целом) базис в конечном счете является определяющим фактором, хотя на него в свою очередь оказывает известное воздействие надстройка, не охватывают всей совокупности общественных явлений. Исторический материализм выдвигает более широкие понятия — понятие материальной культуры и понятие духовной культуры, которые исчерпывают всю сферу общественных явлений²⁷. Язык, не будучи надстроечным явлением, представляет собой весьма сложное явление. «В самом деле, — пишет П. Н. Федосеев, — язык обслуживает не только сферу духовной культуры, он непосредственно связан с производством, обслуживает процессы труда, процессы производства. Далее, он непосредственно связан с социальными отношениями, обслуживает их; он есть орудие общения, орудие борьбы и выступает, следовательно, как составной элемент социальной сферы. К тому же в языке есть идеальная и материальная сторона. Но все-таки следует признать, что язык в основе своей — явление духовной культуры»²⁸.

Будучи одним из компонентов духовной культуры общества, язык не может оказывать решающего влияния не только на материальную культуру общества, но и на остальные компоненты его духовной культуры. Очевидно, что язык придает некоторые специфические национальные черты непосредственно лишь тем явлениям духовной культуры общества, которые выражаются посредством него. Однако национальная специфика этих компонентов духовной культуры не исчерпывается теми чертами, которые обусловлены языковым способом их выражения. Известно, например, что произведения художественной литературы сохраняют некоторые специфические национальные особенности и при переводе на другой язык.

Из проведенного здесь анализа характера соотношения языка, мышления и культуры следует, что язык, оказывая некоторое, но отнюдь не решающее влияние на мышление, не может также коренным образом определять и характер материальной и духовной культуры общества, которая опосредована человеческим мышлением, представляющим собой, как и язык, продукт социального развития.

²⁶ Там же, стр. 168.

²⁷ См.: П. Н. Федосеев, Некоторые вопросы развития советского языкознания, сб. «Теоретические проблемы современного советского языкознания», М., 1964, стр. 34.

²⁸ Там же. Б. Уорф также считает язык «своего рода неотъемлемой частью нашей культуры» (Б. Уорф, Отношение норм поведения и мышления к языку, стр. 139).